

Колдовские

Миры

ВАНДА АЛХИМОВА

СЕМЬ
ГОРНЫХ ВОРОНОВ

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А54

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Алхимова, Ванда.

А54 Семь горных воронов / Ванда Алхимова. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-093504-8

Семь братьев из рода Воронов не ладят между собой, но все меняется, когда в королевство Тамврот приходит война. Теперь у всех лордов-Воронов общая цель: выжить во враждебном мире, узнать тайну могущественной горной ведьмы — их матери, найти королевских дочерей и вернуть им трон. Соперничество и ненависть, любовь и отчаяние — все перемешалось в сердцах братьев, и ни один из них не знает, удастся ли ему уцелеть в огне битв и буре пробуждающейся древней магии. Смерть или победа — третьего не дано.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алхимова В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093504-8

Глава 1

Нет хуже дорог для карет, чем горные. Лошади ступают неровно, колеса потряхивает, и так просто сползти с сиденья на пол. Женщина, сидевшая на обшитом бархатом сиденье, поморщилась, когда карету в очередной раз тряхнуло: колесо снова налетело на камень.

— Что? — резко обернулась она на своего спутника, молодого мужчину с длинными черными волосами. Тот молча дернул плечом. Лицо его, изуродованное грубым шрамом на лбу, оставалось бесстрастным.

Светло-серые, льдистые глаза женщины ярко сверкнули.

— Я не буду ездить верхом, когда есть карета. Дело не в удобстве, дело в статусе.

— Я не спору, миледи, — ответил ее спутник приятным низким голосом.

— Тогда прекрати на меня смотреть! — отрезала женщина, снова отворачиваясь к окну.

Карета, покачиваясь, ползла по дороге. Взгляд женщины скользил по горам, покрытым лесами. Зеленый массив разрезали водопады и скальники. Красота мрачная, но завораживающая.

— Вчера пришло письмо от твоего старшего брата, — сказала женщина.

— Ты из-за него не спала всю ночь? — спросил мужчина.

— А ты из-за чего не спал? — Женщина развернулась, встряхнув своими роскошными темно-русыми волосами. — Подпевал воронам на башне?

— Вороны по ночам спят, — ответил мужчина.

— Ты дерзишь. — Глаза женщины сузились и нехорошо заблестели.

— Нет, миледи, ты ошибаешься, — мужчина оставался спокойным.

— Я просила наедине называть меня матушкой.

Женщина откинулась на спинку сиденья.

— Да, матушка, я помню.

Мужчина смотрел на нее все с тем же отсутствующим выражением лица.

— Из всех моих сыновей ты всегда был самым чутким, — задумчиво провела пальцем по губам женщина. — Наверное, потому, что ты младший. Послезавтра мы едем в столицу, — сухо сказала она. — Ты, я и оба твоих брата. Хотя стоило бы этих идиотов оставить дома.

Некоторое время они ехали в молчании, а потом сын спросил:

— Как давно ты была в столице?

— В последний раз — десять лет назад, когда ездила туда с твоими старшими братьями, — раздраженно ответила женщина.

— Тебе не нравится там, — заметил сын.

— Потому что мое место здесь, в горах, во владениях твоего отца. Я не люблю уезжать отсюда надолго. Горы и народ нельзя оставлять без хозяйской руки. Будь моя воля, я бы никогда не покидала Твердыню.

Но твой отец был другом короля, а король живет в Тамвроте.

— Можно я спрошу? — Сын теперь смотрел прямо на нее, и выражение его лица стало живым и осмысленным. Мать сделала короткий ободряющий жест рукой. — Почему ты не взяла себе второго мужа?

— Думаешь, после того, как я семь лет подряд рожала твоему отцу Воронов, я хотела продолжения? — Мать побледнела, и губы ее скривились. — Раздвигать ноги, пускать в себя сопящее, воняющее пивом животное? Вечно таскать огромный живот, а потом корчиться в муках, валяясь в собственной крови, орать, как свинья под ножом, и все — ради чужой похоти? Я родила твоего старшего брата через девять месяцев после замужества, и каждый год замок оглашал очередной писк нового Ворона. И так продолжалось долгих семь лет, до самой смерти твоего отца. И знаешь что? Мне вполне хватило вас семерых.

— Ты нас не любишь. И никогда не любила, — спокойно сказал сын. — Но я всегда хотел спросить еще об одном: почему меня ты ненавидишь меньше моих братьев? Потому что я последний?

— Нет. — Мать прикусила губу, внимательно глядя сыну в глаза. — Потому что ты меньше всех похож на своего отца.

Спуск закончился, и пошла пологая дорога. Карета въехала в большое селение, где имелись даже двухэтажные нарядные дома. В центре располагалась широкая площадь.

— Откуда столько народу? — поморщилась мать. — Останови, я хочу посмотреть, что происходит.

Сын высунулся и велел вознице осадить лошадей. Мать тоже выглянула в окно. Ветер трепал прядки у висков, выбившиеся из ее сложной прически.

Оказалось, толпа собралась вокруг высокого помоста, сложенного из грубых необработанных камней. Над площадью лилась песня. Ровный сильный голос выводил слова простой народной припевки.

— Это поет Серебряное горлышко, — объяснил сын. — Дочь кузнеца.

— С каких это пор тебе есть дело до дочерей кузнецов? — быстро обернулась к нему мать.

— Просто о ней все говорят. Говорят, ее песни заставляют больных забывать о боли, влюбленных — о любви, дети перестают плакать, а старики снова чувствуют себя молодыми.

— А ты слышал ее? — прищурилась мать, явно что-то прикидывая в уме.

— Нет, — равнодушно ответил сын. — Она поет для людей на площадях, а не для волков в горах, где я обычно охочусь.

— Если она так хороша, как славят, возьму ее с собой в столицу.

— Зачем? — поднял бровь сын.

— Затем, что надо всегда удивлять и производить впечатление чем-то необычным. Пойди и послушай. Если она действительно хороша, привези в замок. Иди уже, надоел.

Мать снова откинулась на спинку сиденья, прикрыв глаза. Сын покорно вылез из кареты, подошел к привязанному сзади мощному вороному, отвязал, запрыгнул в седло и тронул конские бока шенкелями.

Карета покатила дальше, а всадник стал медленно пробираться через толпу.

На постаменте пела девушка: тонкая, хрупкая, невысокая. Миловидное лицо ничем особенным не отличалось, глаза были закрыты, а собранные в девичью косу русые волосы блестели на солнце. Голос лился, как серебряный горный ручей. Конь замер, а всадник прикрыл глаза. На площади воцарилась тишина, и только голос звенел, набирая силу и разносясь далеко вокруг.

Младший Ворон осторожно пустил коня вперед, мягко раздвигая толпу. Его пропустили к самому помосту — теплый храп коня почти коснулся подола шерстяного синего платья певицы.

Ворон слушал незамысловатую песню охотника, заблудившегося в лесу и умоляющего лесных духов отпустить его, иначе жена и дети умрут от голода. Всадник погрузился в глубокую задумчивость. Взгляд его затуманился, на лицо легла тень. В тишине он слушал серебряный голосок, выпевающий простые, но проникающие в самую душу слова. Некоторые женщины вокруг всхлипывали, утирая лица передниками. Охота была частым промыслом здешних мужчин. Пожалуй, половина присутствующих кормила ею свои семьи.

Серебряное горлышко завершила песню, поклонилась и открыла глаза, взглянув прямо в лицо всаднику. Младший Ворон вздрогнул: пронзительно-синий взгляд ослепил, поразил так, что сердце на короткий миг замерло в груди. Девушка испуганно попятилась, она не ожидала увидеть перед собой младшего сына грозной миледи Воронов. Всадник встряхнулся, подался вперед, ловко ухватил девушку за талию и быстро

притянул к себе. Певица вскрикнула, толпа взволновалась.

Но Младший Ворон сохранял полную невозмутимость. Обвел глазами подданных своей матери, и в этом взгляде было столько уверенности и власти, что кулаки разжались, а головы склонились.

Толпа раздалась, снова пропуская коня, и Ворон выслал его в легкий галоп. Девушка вздрогнула всем телом, плечи ее поникли. Сидела, боясь шевельнуться и подать голос. Когда деревня осталась позади и потянулась горная дорога, Ворон притормозил своего жеребца, переведя того на шаг. Подковы звонко цокали о камни.

Всадник смотрел на русый затылок девушки, собираясь с мыслями. Мучительно хотелось начать разговор, но с чего? Рука его, обвиняющая талию певицы, чувствовала, как та напряжена. Девушка боялась, ее даже слегка трясло.

— Хорошо поёшь, — хрипло сказал Младший Ворон. — В столицу с нами поедешь.

Девушка вздрогнула и обернулась, глядя снизу вверх своими большими глазами.

— Зачем?

Голос у нее оказался приятным, нежным, звонким.

— Миледи Воронов понравилось, как ты поешь. Хочет удивить столичных франтов, — пояснил Младший.

Девушка не ответила, но заметно побледнела и потянулась рукой к воротнику платья в неосознанном нервном жесте.

— Боишься ее? — спросил Младший и чуть улыбнулся.

— Да, — опустила ресницы Серебряное горлышко.

— Я и сам ее боюсь, — доверительно поведал Младший, слегка наклонившись. — И остальные братья тоже.

— Вы смеетесь?

Девушка снова вскинула на него глаза.

— Правду говорю, — еще шире улыбнулся Младший. — Сама увидишь.

— Вас я тоже боюсь, — призналась девушка, слегка краснея. — Вас все боятся.

— А меня-то почему? — рассмеялся Младший. — Ладно мои старшие братья — Дикий и Красный Вороны. Но я же вроде никому ничего плохого не сделал...

— Вы — Ворон, — уклонилась от ответа девушка. — И потом, вас часто видят охотники в горах... Ну и всякое рассказывают...

— Ладно, как угодно, — пожал плечами Младший. — Но ты меня можешь не бояться. Как тебя зовут? Серебряное горлышко — это же прозвище?

— Меня зовут Эйнли. — Девушка снова украдкой посмотрела на своего похитителя. — Я бы хотела...

— Да? — переспросил Младший.

— Отец расстроится, когда узнает, что вы забрали меня, — покраснела Эйнли. — Будет беспокоиться, а он уже немолод...

— На днях отвезу тебя домой, все расскажешь, обещаю, — сказал Младший, ласково посмотрев на нее. — После того как миледи Воронов решит, что с тобой делать.

Конь бодро шел по дороге, звенели стремена, над горами гасло небо, а впереди вставала Твердыня Воронов — высеченный в скале неприступный замок со

множеством башен. Он казался причудливым миражом, внезапно открывающимся взору путника среди суровых скал и диких гор.

— Никогда не была так близко, — пробормотала Эйтли и вдруг прижалась к груди Младшего. — Я боюсь...

— Не бойся, — подбодрил ее Ворон. — Я с тобой и пока еще тебя не съел. Даже не укусил.

Эйтли стиснула губы, чтобы не рассмеяться, и отодвинулась как можно дальше, насколько это вообще возможно в седле. С одной стороны, ей было очень боязно, с другой — молодой сын миледи Воронов все больше и больше завладевал вниманием девушки. Она украдкой рассматривала правильные черты его лица, чистую кожу и — особенно — страшный шрам на лбу, который против воли притягивал ее внимание, хотя Эйтли старалась не подавать виду.

— Если тебе интересно, это меня орел разодрал, — сказал вдруг Младший. — Я полез в гнездо, хотел птенца стянуть, ну и получил по полной. Хорошо, глаза сохранил.

— Я вовсе не хотела... — отчаянно покраснела Эйтли.

— Конечно, хотела! — фыркнул Младший. — Первое, что всех интересует, это шрам. Кроме него, у меня и посмотреть-то не на что. Так что проще самому рассказать, чем видеть все эти взгляды. Когда так смотрят, сразу ясно становится.

— Простите...

— За что? — улыбнулся Младший. — За то, что у меня шрам на лбу?

Тем временем конь подошел к подвесному мосту из толстенных бревен, перекинувшемуся над пропастью, где клубился туман. Ворон поторопил жеребца, и копыта зацокали по мосту.

Эйнли подняла голову, когда они въехали в ворота: из нависающего высокого свода выглядывала подъемная решетка, оканчивающаяся острыми толстыми зубьями. Девушка поежилась и едва не заплакала.

За стеной открывалась площадь, на противоположном конце которой поднимался сам замок. Башни переплетались галереями-проходами, вокруг стен из серого камня вились узкие улочки. К башням жались домики из тех же серых камней.

Ворон провез Эйнли через небольшую площадь, походя кивая встречающимся воинам и слугам, проехал сквозь еще одну арку и остановился посреди узкого двора, перед входом в сам замок. Высоченные, окованные железом стрельчатые двери были открыты. Ворон легко спрыгнул с седла, бросил поводья конюху и осторожно снял девушку, бережно опустив ее на серые камни.

— Пойдем, — поманил он Эйнли за собой.

Дочь кузнеца робко пошла за Вороном, озираясь по сторонам. Туда-сюда сновали слуги, косясь на нее, но не задавая вопросов.

Младший привел ее в высокий зал, где в центре пылал огромный очаг, а по стенам висели расшитые золотом и серебром гобелены и шелковые драпировки. Зал казался очень пышным, торжественным, красивым и... неудобным. У Эйнли защипало в носу, и она обняла себя руками за плечи.

Стояло несколько пустых столов. Вдоль стен тянулись лавки и сундуки. В центре на небольшом возвышении — деревянное кресло из гладко отполированной древесины. К спинке кресла крепились два высоких деревянных насеста, на которых замерли искусно выкованные из бронзы вороны. Выгнув голову, один смотрел на двери, второй грозно распахнул двухметровые крылья. А на троне сидела миледи Воронов, прекрасная, холодная и молодая, хотя уже двадцать лет прошло с того момента, как Аодх Ворон ввел ее под эти своды как свою невесту. Она равнодушно скользнула взглядом по робкой фигурке и спросила сына:

— Она того стоит?

— Думаю, да, миледи, — почтительно склонился перед матерью Младший.

— Спой, — велела миледи, откидываясь на спинку кресла.

Эйнли вздрогнула и покосилась на Младшего, словно ища защиты. Тот шепнул губами, и Эйнли угадала название песни. Синие глаза Младшего смотрели тепло. Это придало девушке сил, она собралась с духом и запела. Высокий звонкий голос разнесся под каменными сводами, поднимаясь выше и выше.

— Хватит, — прищелкнула пальцами миледи. — Голос есть. Но ничего особенного. Только на деревенской площади и распевать. В столице этим никого не удивишь...

— Мне отвезти ее обратно? — быстро спросил Младший.

Эйнли едва заметно вздрогнула от радостной надежды.

— Что? — холодно посмотрела на него мать. — С чего это?

Младший молчал.

— Отведи ее к женщинам, — велела мать. — Скажи леди Маргарет, чтобы позанималась с девчонкой, пусть подготовит ее для двора. И заодно обучит пению. Все, иди.

Младший Ворон жестом пригласил растерянную Эйнли следовать за ним и повел девушку по бесконечным переходам. Лестницы, лестницы, лестницы... Эйнли запуталась сразу и безнадежно.

Младший остановился у толстой деревянной двери, из-за которой доносились женские голоса. Постучал и сразу же распахнул створки.

Эйнли увидела большую светлую комнату, в которой сидело около двадцати девушек. Они пряли, вязали, ткали и... пели. Заправляла всем дородная женщина в сером шелковом платье. Ее сложную прическу скрывал отрез дорогой полупрозрачной ткани.

— Леди Маргарет, это Эйнли, дочь кузнеца, — обратился к ней Младший. — Миледи велела обучить ее манерам и пению. Она поедет с нами ко двору.

— Как угодно моей миледи, — поклонилась Маргарет, ощупывая цепким взглядом трясущуюся фигурку.

— У меня тоже есть одна просьба, — вдруг сказал Младший и демонстративно положил тяжелую руку в охотничьей перчатке на хрупкое плечо. — Я прошу вас помочь Эйнли освоиться.

— Да, лорд Младший Ворон, — снова поклонилась Маргарет, растягивая губы в улыбке. — Я позабочусь.